

ЛОИС МАКМАСТЕР
БУДЖОЛД

LOIS MCMASTER
BUJOLD

KOMARR

ЛОИС МАКМАСТЕР

Буджолд

КОМАРА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Б90

Серия «Мастера фантазии»

Lois McMaster Bujold
VOLUME 4: KOMARR; A CIVIL CAMPAIGN;
WINTERFAIR GIFTS; DIPLOMATIC IMMUNITY

Перевод с английского

О. Косовой («Комарра», «Гражданская кампания»,
«Дипломатическая неприкосновенность»)
Т. Черезовой («Подарки к Зимнепразднику»)

Художник *Е. Фerez*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Spectrum Literary Agency и Nova Littera SIA.

Буджолд, Лоис Макмастер.

Б90 Комарра : [сборник : перевод с английского] / Лоис Макмастер Буджолд. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 1136 с. — (Мастера фантазии).

ISBN 978-5-17-121704-4

Лоис Макмастер Буджолд — ярчайшая звезда современной американской фантастики. Цикл романов о Майлзе Форкосигане, сыне высокопоставленного сановника с планеты Барраяр, и его родственниках, друзьях и врагах принес ей мировую известность. За произведения этой «космической саги» Буджолд удостоена пяти премий «Хьюго» и трех «Небьюла». В сборник вошли «Комарра», «Гражданская кампания», «Подарки к Зимнепразднику» и «Дипломатическая неприкосновенность».

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Lois McMaster Bujold, 1998, 1999, 2002, 2004

© Перевод. Т. Черезова, 2020

© Перевод. О. Косова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Комарра

Глава 1

Последние серебристые лучи комаррского солнца исчезли за небольшими холмами на западе, и яркий свет, отбрасываемый висящим в небе солнечным отражателем, казался еще ярче на фоне пурпурно-синего неба. Когда Катриона впервые увидела на Комарре искусственное солнце, ей показалось, что в небе распутился огромный, сотканный из звезд фейерверк, какой обычно бывает на Зимнепраздник, успокаивающий и красивый. И вот теперь, облокотившись о перила балкона, выходящего на центральный городской парк, она сосредоточенно изучала преломленные лучи, бьющие сквозь прозрачный купол. Слишком яркие на фоне темного неба. Три из шести дисков отражателя не работали вовсе, а седьмой, центральный, сделался тусклым и матовым.

В свое время ей довелось прочесть, что древние земляне, наблюдая кометы, взрывы сверхновых, падающие звезды, считали это знамениями, предвещавшими различные катастрофы. Само слово «катастрофа» уже содержит в себе астрологическую суть. И произошедшее две недели назад столкновение грузового внутрисистемного корабля-рудовоза с солнечным отражателем уж точно было катастрофой в самом буквальном смысле слова. Оно

принесло мгновенную смерть полудюжине комаррцев из обслуживающего персонала станции. Но на большинство жителей Комарры, укрытых в своих куполах, это событие практически не повлияло. Внизу, в парке, команда рабочих налаживала дополнительное освещение. На пищевых фермах уже приняли меры, чтобы уберечь зеленые насаждения и оборудование. Здесь, на Комарре, любая зелень под куполами служила не просто украшением. Каждое растение вносило свою лепту в биологический резервуар, необходимый для поддержания жизни. Сады под куполами должны жить, несмотря ни на что, и их симбионты, люди, тщательно о них заботятся.

Но за пределами куполов, там, где хрупкие растения трудятся для терраформирования планеты, все обстоит иначе. Катрионе были известны данные о потерях, столь жарко обсуждавшиеся вот уже две недели за ее обеденным столом. Особенно силен был урон, нанесенный растениям на экваторе. Зимний холод сковал всю планету. Сколько времени пройдет, пока здесь все починят? И когда, собственно говоря, начнут чинить? Для диверсии — если это, конечно, диверсия — такие последствия кажутся бессмысленными. А если это неудавшаяся диверсия, тогда все непонятно вдвойне. Попытаются ли они снова — если эти «они» вообще существуют? Если это вообще злой умысел, а не глупейший несчастный случай.

Вздохнув, Катриона отвернулась и включила дополнительное освещение своего крошечного садика на балконе. Кое-какие барраярские растения были особенно чувствительны к недостатку солнечных лучей. Проверив уровень освещенности, она придвинула два плюща-оленемора ближе к источнику света и установила таймер. Определив опытными пальцами температуру и влажность почвы, Катриона кое-где подлила воды. Она ненадолго задумалась, не внести ли в помещение старый бонсаи, но в результате отказалась от этой мысли. В конце концов, здесь, на Комарре, даже на балконе все равно что в помещении. Уже почти год, как Катриона не чувствовала на своих волосах дуновения ветра. Внезапно она ощутила родство с высаженными за пределами купола растениями, которые медленно гибнут без света и тепла, задыхаясь в ядовитой атмосфере... Дура! Прекрати немедленно! Нам повезло, что мы здесь.

— Катриона! — раздался из глубины квартиры требовательный рев мужа.

— Я на балконе, — ответила она, всунув голову на кухню.

— Ну так иди сюда!

Уложив садовые принадлежности в ящик, Катриона плотно прикрыла за собой дверь на балкон и поспешила на зов. Она пересекла комнату и быстро спустилась по винтовой лестнице. Тьен, с коммом на запястье, нетерпеливо поджидал ее возле входной двери.

— Только что звонил твой дядя. Он приземлился в пассажирском порту. Я еду за ним.

— Я заберу Николаса и поеду с тобой.

— Не стоит. Я встречу его у выхода на Западной станции. Он велел передать тебе, что с ним гость. Еще один Аудитор, похоже, что-то вроде помощника. Но просил не суетиться, сказал, что они оба непритязательны. Кажется, он вообразил, что мы собираемся кормить их на кухне. Ха! Целых два Имперских Аудитора! И вообще, зачем тебе понадобилось его приглашать?

Она изумленно уставилась на мужа.

— Как может дядя Фортиц побывать на Комарре и не заглянуть к нам? И потом, разве его расследование не касается твоего департамента? Конечно, он хочет нас видеть. Я думала, он тебе нравится.

— Нравился, когда был старым добрым профессором, — хлопывая себя по бедру, ответил Тьен. — Эксцентричный дядя Фортиц, фор-технар. Назначение его Имперским Аудитором застало всю семью врасплох. Не представляю, на какие рычаги он нажал, чтобы добиться такой должности!

А ты считаешь, что люди делают карьеру только таким способом? Но вслух она этого не сказала.

— Из всех политических постов наименее вероятно получить таким образом должность Имперского Аудитора, — пробормотала Катриона.

— Наивная Кэт. — Тьен коротко улыбнулся и обнял ее за плечи. — В Форбarr-Султане никто ничего не получает просто так. За исключением, пожалуй, помощника твоего дяди, который, как я слышал, близкий родственник самого Форкосигана. Он, судя по всему, получил свой пост на халяву. Невероятно молод для такой должности, если это именно тот, кто приносил присягу во время Зимнепраздника. Легковесный тип, надо полагать, хотя все, что сказал о нем твой дядя Фортиц, это что он весьма болезненно воспринимает свой рост и не стоит заострять на этом внимание.

Тьен сунул комм в карман куртки. Его рука слегка тряслась. Катриона схватила его за запястье и повернула ладонь вверх. Дрожь усилилась. Она с тревогой посмотрела на мужа.

— Нет, черт подери! — Он вырвал руку. — Ничего не происходит! Я просто немного нервничаю. И устал. И к тому же голоден, так что позаботься приготовить что-нибудь путное к нашему приезду. У твоего дяди вкусы, возможно, и непритязательные, но я сильно сомневаюсь, что их разделяет выросший в Форбарр-Султане лорд.

Сунув руки в карманы, Тьен отвернулся, чтобы не видеть несчастное выражение ее лица.

— Ты сейчас старше, чем был тогда твой брат.

— А про вариабельность ты помнишь? Мы скоро поедem. Обещаю.

— Тьен... Я хочу, чтобы ты бросил этот план насчет галактического лечения. Здесь, на Комарре, медицина ничуть не хуже, чем на Колонии Бета или где-нибудь еще. Когда ты получил назначение сюда, я думала, ты приступишь к лечению. Забудь о секретности, попроси о помощи открыто. Или лечись анонимно, если тебе так хочется. Но только не надо больше тянуть!

— Они здесь не умеют держать язык за зубами. Наконец-то я начал делать карьеру, и мне сейчас абсолютно ни к чему слухи о мутации.

Если мне все равно, мутант ты или нет, то какое тебе дело до мнения других?

Поколебавшись, она все же продолжила:

— Ты поэтому не хочешь видеть дядю Фортица? Тьен, поверь, из всех моих родственников — да и твоих, если на то пошло, — его меньше всего будет волновать, генетическое твое заболевание или нет. Он позаботится о тебе и о Никки.

— Я все держу под контролем, — настойчиво возразил он. — И не вздумай выдать меня дяде, когда я уже так близок к цели. Все под контролем. Вот увидишь.

— Просто не... следуй примеру твоего брата. Обещай мне! — То, что случилось с флайером, не было несчастным случаем. Это был итог многолетнего кошмарного ожидания и наблюдения за симптомами...

— Я вовсе не намерен творить ничего подобного. Все идет по плану. Когда истечет срок моего комаррского контракта, мы все втроем — ты, я и Николас — отправимся в длительный отпуск, будем путешествовать по галактике. За это время мы все приведем в норму, и никто ничего не узнает. Если, конечно, ты не потеряешь голову и не устроишь панику в самый ответственный момент! — Схватив ее за руку, он вымученно улыбнулся и выскочил за дверь.

«Подожди, и я все приведу в норму. Верь мне». Последнее время ты мне это постоянно твердишь. И до этого твердил, и еще раньше... Так кто кого предает? Тьен, у тебя уже выходит время, разве ты не видишь?

Катриона побрела на кухню, соображая, что подать на ужин, дабы удовлетворить столичного фор-лорда. Белое вино? Ее небогатый опыт общения с аристократами подсказывал, что если их как следует «накачать», то совершенно не имеет значения, чем их кормить. Она положила одну бутылку из драгоценных, привезенных из дома запасов в морозильник. Нет, пожалуй, стоит добавить еще пару.

Катриона поставила еще один стул к стоящему на балконе столу, где они обычно ужинали. Жаль, что она не наняла ради такого случая на вечер слугу. Но слуги-люди обходятся на Комарре так дорого! К тому же ей хотелось спокойно, по-домашнему поболтать с дядей Фортицем. Все официальные средства информации только и толкуют о том, что произошло, и прибытие на орбиту Комарры не одного, а аж целых двух Имперских Аудиторов несколько не уменьшило количество слухов. Во время недолгого разговора Катрионы с только что прибывшим на орбиту дядей (временная задержка, вызванная расстоянием, не способствовала длительной беседе) обычно спокойный и меланхоличный дядя Фортиц достаточно раздраженно отзывался о поднятой вокруг него шумихе. И намекнул, что с удовольствием скрылся бы от назойливого внимания. Поскольку за долгие годы преподавательской деятельности дядя, несомненно, привык к глупым вопросам, Катриона сильно подозревала, что на самом деле его раздражение вызвано тем, что сейчас он просто не знает, как отвечать.

Но больше всего, признавалась она себе, ей хочется снова окунуться в атмосферу счастливого прошлого. После смерти матери она два года жила с тетей и дядей Фортицами, под их ненавязчивым присмотром посещая Имперский университет. Жизнь с профессором и его женой была более спокойной и не такой регламентированной, как в доме ее отца в пограничном городке Южного континента, где царил консервативная форская атмосфера. Возможно, так было потому, что тетя с дядей относились к ней как к взрослой, а не как к ребенку, каковым она на самом деле тогда являлась. И ей это очень льстило. Катриона с легким чувством вины признавала, что дядя с тетей были ей ближе, чем отец. В то время, очень недолго, ей казалось, что перед ней открыты все пути.

А потом она выбрала Этьена Форсуассона, или он — ее. *Тогда ты была этим вполне довольна.* Она сказала «да» на предложение

свахи, причем совершенно добровольно. *Но ты же не знала. И Тьен не знал. Дистрофия Форзонна. Никто в этом не виноват.*

В кухню ворвался девятилетний Николас.

— Мам, я есть хочу! Можно мне кусочек пирога?

Она перехватила торопливую ручонку.

— Ты можешь пока что выпить стаканчик сока.

— У-у! — протянул сын, но согласился на предложенную замену, выданную ему в высоком бокале для вина. Он мигом проглотил сок, ни на секунду не переставая болтать. Просто перевозбужден или унаследовал нервную систему отца? Прекрати выдвигать предположения! — приказала она себе. Мальчик целых два часа сидел у себя в комнате, занимаясь своими моделями. Ему надо выпустить накопившуюся энергию.

— Ты помнишь дядю Фортица? — спросила Катриона. — Три года назад мы были у него в гостях.

— Ага! — Сын прикончил сок. — Он водил меня в свою лабораторию. Я думал, там будут всякие колбы и булькающие жидкости, а там оказались только огромные машины и бетон. И пахло так смешно.

— Да, правильно, пахло озоном, — кивнула она, обрадованная, что сынишка так хорошо все помнит. Катриона забрала у сына бокал. — Давай руки. Я хочу посмотреть, насколько большим ты вырастешь. Из щенков с большими лапами, как правило, вырастают крупные собаки. — Никки протянул ладошки, и она приложила к ним свои. Его пальчики были на пару сантиметров короче ее. — Ух ты!

Никки сверкнул самодовольной улыбкой и быстро глянул себе на ноги. Большой палец торжественно высовывался из свежей дырки в новом носке.

Его детские светлые волосы уже начали темнеть. Должно быть, в конце концов они станут такими же темно-каштановыми, как у нее. Ростом ей по грудь, хотя она готова была поклясться, что еще пятнадцать минут назад он был ей по пояс. А глаза карие, как у его па. Чумазая ладошка — и где он ухитряется под куполом найти столько грязи? — совсем не дрожала, а глаза оставались чистыми и ясными. Не трясутся.

Ранние проявления дистрофии Форзонна были схожи по симптомам с доброй дюжиной других заболеваний и могли проявиться в любой момент, начиная с подросткового возраста. Но не сегодня, не у Николаса.

Пока нет.

От входной двери донеслись мужские голоса. Никки помчался вниз. Когда Катриона подоспела следом за ним, он уже висел на плотном седовласом мужчине, который, казалось, заполнил собой все помещение.

— Уф! — выдохнул дядя Фортиц, обхватив повисшего на нем Николаса. — Как ты вырос, Никки!

Несмотря на свой громкий новый титул, дядя Фортиц совсем не изменился: тот же внушительный нос и большие уши, привычная мятая, висящая мешком одежда, вечно выглядевшая так, будто он в ней спал. Тот же басистый смех. Поставив внучатого племянника на пол, он крепко обнял племянницу, ответившую ему тем же, и наклонился к своему чемодану.

— Кажется, Никки, для тебя здесь что-то есть...

Николас нетерпеливо выплясывал вокруг деда, а Катриона отошла в сторонку, дожидаясь своего часа.

Нагруженный багажом Тьен протиснулся в дверь. И только тогда она заметила стоящего в стороне мужчину, с отстраненной улыбкой наблюдавшего за семейной сценкой.

Она с трудом удержала изумленный возглас. Мужчина оказался ростом с девятилетнего Никки, может, чуть выше, но за ребенка его принять было никак нельзя. Большая голова на короткой шее, слегка согорбленная спина. Худощавый, но крепкий. В сером костюме, белой рубашке и начищенных до блеска ботинках. Одежда лишена любых украшений, так любимых высшими форами, но сидит великолепно — должно быть, сшита по индивидуальному заказу, фигура у него, мягко говоря, нестандартная. Катриона даже не осмелилась прикинуть, сколько может стоить такой костюм.

Определить возраст мужчины было трудновато. Возможно, чуть старше нее? Седины в темных волосах нет, но морщинки у глаз и вокруг рта резко выделяются на бледной коже. Повернувшись полюбоваться, как Никки атаковал деда, он несколько неловко опустил на пол свой чемодан, но калекой не выглядел. Неприметным назвать его было нельзя, но, во всяком случае, он явно старался быть ненавязчивым. Неловко себя чувствует в обществе? Катриона внезапно вспомнила свои обязанности дочери фора и подошла к гостю.

— Добро пожаловать в мой дом... — Ой, Тьен ведь не назвал его имени! — милорд Аудитор!

Протянув руку, он вежливо сжал ей ладонь.

— Майлз Форкосиган. — Рука у него оказалась сухой и теплой, меньше, чем ее, но рукопожатие мужественное. Ногти — чистые и аккуратные. — А вы, сударыня?..

— Ой! Катриона Форсуассон...

Он выпустил ее руку, не поцеловав — к ее величайшему облегчению. Катриона быстро глянула на его макушку, находящуюся на уровне ее ключиц, сообразила, что его лицо находится прямо напротив ее бюста, и чуть отошла. Он посмотрел на нее, едва заметно улыбнувшись.

Никки, гордо демонстрируя свою силу, уже волок самый большой чемодан дяди Фортица в гостевую комнату. Тьен вежливо проследовал за своим старшим гостем. Катриона быстро произвела перерасчет. Совершенно очевидно, что она не может устроить этого Форкосигана в комнате Никки. Детская кроватка ему, безусловно, подойдет идеально, но это так неловко! Уложить Имперского Аудитора на кушетке в гостиной? Вряд ли можно назвать эту мысль блестящей. Жестом она предложила гостю проследовать за ней в ее кабинет-оранжерею. Возле одной стены стояли рабочий стол и полки со всякой всячиной, нежные зеленые земные и коричневые барраярские растения вились по другой. Свободное пространство оставалось лишь возле широкого окна.

— У нас не очень много места, — извинилась она. — Увы, даже барраярским администраторам приходится довольствоваться тем, что им предлагают. Я закажу для вас гравитационную койку, ее доставят еще до конца ужина. Но по крайней мере эта комната изолированная. Мой дядя так роскошно храпит... Ванная комната чуть дальше направо по коридору.

— Все нормально, — заверил он ее.

Подойдя к окну, Майлз посмотрел на простирившийся внизу парк. Огни ближайших домов мягко светились в сумеречном освещении полупогасшего солнечного отражателя.

— Я понимаю, что это не совсем то, к чему вы привыкли...

Форкосиган улыбнулся уголком рта:

— Однажды я целых шесть недель спал на грязной земле. Вместе с десятью тысячами чумазных мэрилакцев, многие из которых храпели весьма прилично. Так что уверяю вас, все нормально.

Катриона улыбнулась в ответ, не зная, как реагировать на шутку. Если это вообще шутка. Оставив гостя устраиваться, она поспешила на кухню, чтобы заказать гравикойку и завершить приготовления к ужину.

В конце концов все всё равно собрались на кухне, и коротышка Аудитор снова нарушил планы Катрионы, позволив ему налить лишь полбокала вина.

— Я провел семь часов в скафандре. Если выпью больше, то еще до десерта усну лицом в тарелке, — сверкнул он глазами.

Катриона рассадила всех вокруг стола на балконе и подала пряное жаркое на основе искусственных протеинов, которое, как она и предполагала, пришлось дяде по вкусу. Пустив по кругу хлеб и вино, она наконец выбрала время для разговора с дядей.

— Как продвигается ваше расследование? Сколько вы здесь пробудете?

— Боюсь, не дальше, чем ты слышала в новостях, — хмыкнул Фортиц. — Возможно, мы пробудем здесь до тех пор, пока аварийная команда не закончит собирать обломки. Нам недостает пока кое-каких очень важных кусков. Грузовик был загружен под завязку и обладал колоссальной массой. Когда двигатель взорвался, обломки разлетелись во все стороны. Нам просто необходимы все части системы управления, которые только удастся отыскать. Если повезет, большую часть аварийщики выловят дня за три.

— Значит, это диверсия? — поинтересовался Тьен.

Дядя Фортиц пожал плечами:

— Поскольку пилот погиб, доказать это будет крайне сложно. Во всяком случае, аварийщики пока что не обнаружили никаких следов взрывчатки.

— Взрывчатка в данном случае была бы лишней, — пробормотал Форкосиган.

— Вращающийся грузовик влетел в отражатель под самым скверным углом, — продолжил дядя Фортиц. — Половина урона нанесена обломками самого отражателя. При такой силе удара и инерции он просто сам себя разнес на части.

— Если именно этого они и добивались, то математический расчет должен быть просто сногшибательно точен, — сухо заметил Форкосиган. — Одно лишь это склоняет меня к мысли, что произошел действительно несчастный случай.

Катриона наблюдала за мужем, который исподволь не сводил глаз с коротышки Аудитора, и читала в его взгляде молчаливый приговор: «Мутант!» Что может думать Тьен о человеке, в котором столь явно видны признаки отклонения от нормы, но который воспринимает это без всякого чувства вины или стеснительности?

Тьен с любопытством повернулся к Форкосигану:

— Я понимаю, почему император Грегор направил сюда профессора, поскольку лорд Фортиц — самый признанный имперский авторитет в области анализа инженерных неполадок. А каково... хм... ваше участие в этом деле, лорд Аудитор Форкосиган?

Губы Форкосигана искривились в ухмылке.